

УДК 811.133.1'366

ББК Ш147.11-21

Н. Д. Кручинкина

Саранск, Россия

СИНСЕМАНТИЧНОСТЬ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСЕМЫ В ПРЕДЛОЖЕНИИ

АННОТАЦИЯ. Темой настоящей статьи является синсемантичность глагола. Выбор темы обусловлен синтагматической значимостью глагола во французском предложении. Целью статьи является исследование проблемы синсемантичности глагольного значения в синтаксической структуре предложения во французском языке. Тактика статьи - следующая: показать в сравнении роль глагола и существительного в их взаимодействии в предложении как в структурно-синтаксическом, функционально-синтаксическом, так и в семантико-синтаксическом аспекте. При использовании методик компонентного и дистрибутивного анализов на примерах из французского языка в противопоставлении показана важная регулирующая роль глагола в формировании синтаксической структуры предложения и, наоборот, зависимость глагольной семантики от лексико-семантического характера его субстантивного окружения. В синтаксическом плане французский глагол в роли предиката организует структуру предложения в зависимости от своих валентных свойств. Семантика глагола, наоборот, испытывает влияние содержания субстантивных конститuentов, которые модифицируют семантическую структуру его лексического значения в соответствии со своей лексико-семантической структурой значения. Знание этих закономерностей синтагматической зависимости глагольного значения позволит обосновать и внедрить в практику обучения изучение лексики французского языка в рамках синтаксических структур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глагол, существительное, актант, валентность, лексема, синсемантичность, семантическое согласование.

Сведения об авторе: *Нина Дмитриевна Кручинкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романской филологии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева; адрес: 430005, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 22, кв. 23; e-mail: ndk-07@mail.ru.*

N. D. Kruchinkina

Saransk, Russia

SYNSEMANTICS OF THE VERBAL LEXEME IN THE SENTENCE

ABSTRACT. Theme of the article: synsemantics of the verb. The choice was based on syntagmatic significance of the verb in the sentence. The purpose of this article: examination of the value of verb synsemantics in the syntactic structure of sentence. Tactics of the article: showing in comparison of the role of verb and noun in their interaction in the sentence. Using the methods of the componental and distributional analyses on examples from the French language is shown in opposition the regulatory role of the verb in the formation of the syntactic structure of the sentence and, conversely, the dependence of verbal semantics from the lexico-semantic nature of its substantive environment. Syntactically, the verb as predicate organizes the structure of the sentence according to their valence properties. The semantics of the verb, on the contrary, influenced the content of the substantive constituents that modify the semantic structure of lexical meaning according to its lexical-semantic structure of values. Knowledge of syntagmatic mechanisms based on verbal values will allow to justify and implement the study of the vocabulary of the language in the syntactic structures.

KEY WORDS: verb, noun, actant, valence, lexeme, synsemantics, semantic compatibility.

About the author: *Nina Dmitrievna Kruchinkina, PhD, associate professor, National Research Mordovian State N.P. Ogarev University, Associate Professor of Department of romance Philology, Saransk, Russia; e-mail: ndk-07@mail.ru.*

Глаголу в его синтаксической функции отдается централизирующая роль в предложении как синтаксическом образовании. В зависимости от валентных свойств глагола предложение обретает ту или иную функционально-синтаксическую структуру. Наиболее ярко и последовательно эту роль глагола в предложении как синтаксисе зависимостей продемонстрировал Л. Теньер [Tesnière 1959].

Вербоцентрическая теория Л. Теньера, по нашему мнению, для того периода

оказалась весьма своевременной. В.Г. Гак считает ее роль «чрезвычайно актуальной». На актуальность основного труда Л. Теньера указывает и В.М. Алпатов [Алпатов 2005: 278]. В.Г. Гак объясняет это в первую очередь тем, что Л. Теньер «стремился реабилитировать синтаксис как раздел языкознания» [Гак 1988: 9]. Заметим, со своей стороны, что это было весьма важным для лингвистики того времени. Дело в том, что, как это отмечали и наши крупные лингвисты, грамматистов того времени занимали в первую очередь морфологические феномены.

Кроме того, как справедливо отметил В.Г. Гак, труд Л. Теньера можно считать предваряющим исследование по семантической составляющей синтаксиса – семантическому синтаксису: «Теньер явился провозвестником семантического синтаксиса» [Гак 1988: 14]. Мы со своей стороны добавим, что выше названный труд Л. Теньера в дальнейшем в определенной мере способствовал и появлению синтаксической семантики [Кручинкина 2016а: 76-77].

Роль Л. Теньера в освещении важнейших синтаксических явлений не могли не отметить и другие известные отечественные лингвисты. Так, по мнению В.Г. Адмони, «в современной грамматике сочетаемость, под наименованием «валентность», была выдвинута на передний план как явление, на основе которого можно исследовать саму структуру предложения, Л. Теньером» [Адмони 1988: 43]. Л. Теньер понятие валентности как основы формирования синтаксических отношений не только ввел в лингвистическую теорию, но и последовательно продемонстрировал проявление валентности глагола как основы формирования той или иной структуры предложения. Своей вербоцентрической интерпретацией предложения как синтаксиса функциональных зависимостей Л. Теньер открыл путь для разработки других важнейших исследований в области синтаксиса в целом и синтаксиса предложения, в частности.

Хотя в титре фундаментального труда Л. Теньера обозначено, что он посвящен синтаксису структур, Л. Теньер с самого начала фактически семантизирует как синтаксические конstituенты предложения, так и само предложение. Например, глагол представлен Л. Теньером образно подобно атому «с крючками, который может притягивать к себе большее или меньшее число актантов, которыми он способен управлять» [Теньер 1988: 250]. Именно эта способность глагола была названа им валентностью.

Возможно, Л. Теньер использовал этот термин потому, что в Ф. де Соссюр в своих лекциях по лингвистике, говоря о системном характере языка, использовал термин того же корня – *valeur* (в переводе на русский язык – значимость, ценность) [Saussure 1995: 153-154]. В теории Ф. де Соссюра термин *valeur* означает статус языкового элемента как элемента системы.

Предложение в процессуальном аспекте Л. Теньер уподобляет драме, а его функциональные конstituенты сравнивает с актерами, участвующими в этой драме, и с обстоятельствами при которых она разворачивается, т.е. он семантизирует функционально-синтаксический аспект отношений [Tesnière 1959: 102-103; Теньер 1988: 117].

Вполне естественно, что ставя своей главной задачей исследование синтаксической структуры, Л. Теньер в центр вербоцентрических воззрений ставит тему синтаксических отношений – синтаксической связи явлений: «главное понятие синтаксиса, согласно Л. Теньеру, синтаксическая связь» [Алпатов 2005: 279]. Интересно заметить, что анализируя синтаксическую структуру предложения, Л. Теньер синтаксическую связь (*connexion*) приравнивает к элементам предложения наряду с глаголом и актантами [Tesnière 1959: 12].

А вот мнение известного отечественного лингвиста Т.П. Ломтева отлично в этом плане от взгляда французского лингвиста. Т.П. Ломтев, различая в рамках отечественной традиции уровень члена предложения, разграничивает глагол как сказуемое и глагол как предикат и утверждает следующее: «Сопоставление понятий членов предложения, с одной стороны, и понятий предикатных предметов и их отношений – с другой, показывает, что так называемое сказуемое не член предложения, т.е. не есть член отношения; оно представляет собою то, что связывает все члены предложения в одно целое, т.е. некоторое отношение. Подлежащее и дополнение можно рассматривать как члены некоторого отношения, а сказуемое – как их отношение, а не член того множества, членом которого

являются подлежащее и дополнение» [Ломтев 1976: 202]. Д. Виллемс по этому поводу имеет свою точку зрения, замечая, что синтаксически глагол материализует форму мысли в отношениях, которые мысль устанавливает между разными объектами [Willems 1981: 8].

Ось отношений это план синтагматики. Ф. де Соссюр заметил, что производное от названия плана понятие синтагмы «относится не только к словам, но и к сочетаниям слов, к сложным единицам всякого рода и любой длины (сложные слова, члены предложения, целые предложения)» [Соссюр 1977: 156]. Такой конструкт как предложение Ф. Соссюр назвал «типичным проявлением синтагмы» [Соссюр 1977: 158]. Видимо, эта интерпретация предложения и послужила тому, что предложение рассматривалось до определенного времени исключительно в синтагматическом аспекте, хотя и этот аспект предложения, конечно, не стоит игнорировать.

Пропозитивная синтагматика представляет для лингвистов особый интерес [Кручинкина 2013: 58-61], так как предложение в роли высказывания является основной коммуникативной единицей. Характерно, что и Л. Теньер при изучении синтаксических синтагматических отношений анализировал пропозитивную синтагму как основу структурного синтаксиса [Tesnière 1959].

Ш. Балли, говоря о прогрессивной последовательности как важнейшей характеристике синтагмы и описывая ее различные варианты реализации, рассматривает также ее воплощение во многих случаях в рамках предложения, иначе говоря – в рамках пропозитивной синтагмы [Балли 1955: 230-251]. При определении синтагмы, он характеризует пропозитивные синтагмы, т.е. предложения: в его дефиниции синтагмой называется любая бинарная совокупность знаков, большая или меньшая, «которую можно свести к форме предложения» [Балли 1955: 115]. Заметим, что точка зрения Ш. Балли совпадает с мнением Ф. де Соссюра на этот счет [Соссюр 1977: 156, 158].

Образно представляя предложение как драму, Л. Теньер привнес фактически в данное описание функциональный образ события как номината и интерпретировал само предложение в его функциональном синтагматическом развертывании. Такая фактически событийная характеристика номинанта – предложения –, возможно, впоследствии была использована в синтаксической семантике, главной языковой единицей в которой было признано предложение» [Кручинкина 2016а: 77-78].

Н.Д. Арутюнова в свое время заметила, что отношение семантической зависимости членов синтагм обратно направлению синтаксической зависимости. И это понятно: синтаксически зависимый член синтагмы является своего рода семантическим актуализатором значения синтаксически главного члена. Это соответствует и онтологической сущности таких актуализаторов. Так, если нет субстанции, нет и ее признака, нет и совершаемого ею действия (процесса).

О первичности имени субстанции в филогенезе и, тем самым, имплицитно, о его категориальной автосемантической говорят также Ф. Делюфр [Deloffre 1975: 16-17] и Ф. Франсуа [François 1968: 249-250].

Глагол в роли предиката с античных времен рассматривался как связка – сначала в роли предикатива именного сказуемого. Однако, следует, на наш взгляд, признать, что и полнозначный глагольный предикат также выступает связующим элементом в синтагме.

Г.А. Золотова, говоря об онтологической природе имен действия и субстанции, отмечает, что «в объективной действительности действие не существует, оно осуществляется как функция субъекта» [Золотова 1982: 163]. Поэтому если существительное имеет референтную сущность, то глагол – сигнификативную. Д. Виллемс приходит к идентичным выводам. Сравнивая существительное и глагол, как две базовые части речи, она подтверждает «референтную сущность» имени, когда говорит, что «существительное своей тесной связью с денотатом глубоко погружено в реальность»: так как «обозначает, метафорически или прямо, субстанцию» [Willems 1981: 8]. При описании глагольной сущности она акцентирует внимание на организующей роли глагола в синтаксических образованиях и делает вывод: «семантически глагол характеризуется тем, что он обычно выражает отношение»; «глагол и его соединения играют господствующую роль в сигнификативной структуре предложения» [Willems 1981: 8]. На той же ноте

«звучит» и голос К. Кербрат-Ореккиони в ее оценке синтаксической глагольной значимости: «синтаксическое поведение глагола более показательно для проявления его сущности, чем синтаксическое поведение имени» [Kerbrat-Orecchioni 1979: 66].

Имя процесса играет организующую роль в объединении субстанциальных участников событий. В означаемом пропозитивных знаков глагол-релятор участвует в эксплицировании той или иной формы пропозитивного обозначения соответствующего типового события. Уже сама релятивная функция глагола говорит о том, что означаемое глагольных лексем зависит от значений объединяемых им в единое пропозитивное имя события имен субстанций.

В целом как часть речи глагол синсемантичен. Если существительное имеет референтную сущность, то глагол – сигнификативную. Как считает Д. Виллемс, синтаксически глагол материализует форму мысли в отношениях, которые мысль устанавливает между разными объектами [Willems 1981: 8].

Из выше приведенных высказываний о существительном и глаголе становится ясным, что вопрос о степени их семантической самостоятельности или зависимости друг от друга важен не сам по себе. Решение проблемы семантической самодостаточности имени и семантической несамодостаточности глагола как частей речи важно как для понимания внутриязыковых процессов формирования функционально-семантической структуры пропозитивных образований, так и для объяснения внеязыковых причин определенной иерархии формирования структур пропозитивных знаков при отражении событийной картины мира.

Представляется совершенно справедливым, вслед за сторонниками вербоцентрической позиции, с одной стороны отметить центральную, фокусирующую роль глагола в предложении как ядерного члена предикатной структуры (например, в глагольно-именном предложении). С другой стороны, представляется важным отметить, что глагол обретает активную валентность в результате поглощения валентностной "энергии" взаимодействующих именных субстанций: именно их категориальный и внутрикатегориальный семантический характер определяет семантическую, да и синтаксическую валентность глагола.

В глаголе, в частности, в глаголе-предикате, фокусируется вся "энергия" предложения, т.е. энергия взаимодействия тех или иных типов субстанций. Благодаря ее конденсированному выражению в одной словоформе более доступным становится изучение потенциалов предложения через призму глагола, нежели через призму субстанции, проецирующей свою валентность на глагол и синтаксическую валентность глагола. Поэтому точнее было бы сказать, что глагол в предикатной конструкции псевдоавтосемантичен. Его иллюзорная автосемантичность в деривационной истории предикатной конструкции оказывается на деле синсемантичностью. Глагольная валентность – это радиация воспринятой от актантов семантической и потенциальной комбинаторной "энергии" [Кручинкина 1998: 51].

Понятие синсемантии появилось в лингвистике в оппозиции к понятию автосемантии благодаря А. Марти: оно не осталось незамеченным. В отечественной лингвистике идея внутреннего сочетаемостного потенциала заинтересовала Е.В. Гулыгу, которой оказались близки идеи А. Марти на этот счет. В лексической семантике статус семантической самодостаточности лексемы был также обозначен термином *категорематичность*, а статус семантической несамодостаточности – еще и терминами *синсемичность* [Золотова 1982: 76, 157, 163], *синкатегорематичность* [Kleiber 1981: 39-58; Tutescu 1975: 40].

Е.В. Гулыга анализирует автосемантию и синсемантию не только по отношению к морфологическим, но и к синтаксическим единицам [Гулыга 1967; Гулыга 1971: 15-19]. К. Бюлер рассматривает свойство синсемантичности в отношении единиц грамматического и лексического уровней [Бюлер 2001: 39, 259].

В энциклопедическом словаре «Языкознание» отмечена значимость обнаруженного А. Марти и обозначенного терминами *автосемантия* и *синсемантия* явления: «Предложенное Марти разграничение автосемантии (самодостаточности компонентов языка) и синсемантии (семантической их недостаточности) с последующей детализацией и привязкой к частям речи и др. единицам не утратило своего значения до сих пор» [Языкознание 1998: 406].

Автосемантичные языковые единицы выражают значение «независимо от

других лексических единиц, синтаксических конструкций, контекста или ситуации» [Гулыга 1971: 17]. Этим они отличаются от синсемантических единиц, которые, напротив, раскрывают свою семантику «в сочетании с другими языковыми единицами, на фоне контекста или ситуации» [Гулыга 1971: 17]. Н.Д. Арутюнова поэтому уделяет внимание синтагматическим условиям проявления синтагматической обусловленности (связанности), или относительности значений [Арутюнова 1999: 16-18] и автономности смысла имен. В связи с этим лингвисты различают явления как смысловой, так и структурной автосемантической и синсемантической [Адмони 1958; Гулыга 1971: 15-17].

В отличие от большинства лингвистов, которые при рассмотрении явлений авто- и синсемантической на первый план выводят анализ свойств самих авто- или синсемантических единиц, К. Бюлер говорит не о самих единицах, а о синсемантическом окружении [Бюлер 2001: 141, 149-150], что нам представляется вполне объяснимым. Н.Д. Арутюнова также достаточно внимательно анализирует синтагматические условия проявления, например, синтагматически связанных, т.е. контекстуально обусловленных вторичных значений и значений конкретных имен в синтагматически метонимизированных значениях в процессе когнитивно-номинативной деятельности [Арутюнова 1999: 15-25].

Автосемантический или синсемантический характер конstituентов пропозитивных синтагм определяет их функциональное поведение в синтаксической структуре означающих пропозитивных знаков (номинантов) с разными категориальными событийными значениями. Взаимодействие субстанций разных типов обеспечивает отражение смысловой динамики событийных отношений объективной действительности. При взаимодействии субстанций разного категориального характера происходят процессы соответствующего категориального содержания. Взаимодействие субстанций в экстралингвистической действительности уже относится к функциональной синтактике иерархичности взаимодействующих субстанций. Поэтому как вариант проявления автосемантической и синсемантической в пропозитивных синтагмах можно считать не только иерархию частей речи, но и функциональных означаемых пропозитивных номинантов, а также их функциональных означающих – членов предложения.

Автосеманτικότητα и синсеманτικότητα семантически немотивированных лексем может быть онтологически мотивированной в разных измерениях. Так, предметные существительные как первородные существительные любого языка обозначают субстанцию в том наборе компонентов значения, который отражает содержательную структуру отражаемых субстанций. Поэтому не случайно лингвисты обращают внимание на этот ракурс «измерения» лексем. Н.Д. Арутюнова, например, в этом аспекте выделяет две разновидности лексических единиц по способу их референции: прямой или опосредованной [Арутюнова 1999: 17-18]. В.Г. Адмони также уделяет внимание необходимости разграничивать значения «семантически действительные» и «семантически отраженные». Он дает определение этих двух групп значений: «Семантически действительное значение выражает признак, реально присущий тому денотату (явлению), который обозначен данной словоформой. А семантически отраженное значение – это значение, которое фактически присуще не денотату, обозначенному данной словоформой, а денотату, обозначенному другой словоформой – на основе синтаксического отношения, существующего между этими словоформами» [Адмони 1988: 71-72].

В основном явления авто- и синсемантической описаны по отношению к существительным [Кручинкина 1998: 47-52; Гак 2000: 124-125]. Между тем как было сказано выше, синсеманτικότητα по своей онтологической и сигнификативной природе в первую очередь отличаются глагольные лексемы.

Синсеманτικότητα лексем проявляется в особенностях их синтаксической и семантической комбинаторики. Получается, что чем полнее глагол демонстрирует свою валентностную мощь, тем зависимее его семантика от наличия актантов. Собственно, глаголы с одним, только субъектным (первым) актантом в семантическом плане являются самодостаточными, хотя при определенных условиях у них есть опасность лишиться грамматической глагольной категориальности [Кручинкина 2016б: 59-60].

Рассмотрим на примере глагольно-именных фраз или предложений,

заимствованных из одноязычного французского словаря «Dictionnaire de français» проявление зависимости лексического значения глагольных лексем от лексико-семантических характеристик их лексико-семантического окружения: *lancer une pierre contre un arbre; lancer la balle à son partenaire / lancer un cri strident. Jeter une pierre dans l'eau; jeter des graviers contre une fenêtre; jeter son sac par terre / jeter un cri; jeter une idée sur le papier.*

Глаголы физического действия (воздействия) *lancer, jeter* проявляют себя в этом компоненте значения только в том случае, если вторым (объектным) актантом оказывается конкретное существительное. При замены этой позиции на второй актант с непередметным значением в такой синтагме глагол модифицирует свое значение физического действия: в *lancer un cri strident; / jeter un cri* глаголы *lancer* и *jeter* уже обозначают звуковое действие (не воздействие). При сочетаемости со вторым актантом, обозначающим мыслительное понятие (*une idée*) глагол *jeter* без наличия локализатора *sur le papier* глагол мог бы обозначать звуковое действие (как информационное воздействие). Наличие локализатора *sur le papier* влияет на изменение смысла глагола: он приобретает значение действия, производимого каким-то эксплицитно не представленным соответствующим инструментом или способом (ручкой, карандашом, распечаткой), чтобы письменно (*sur le papier*) зафиксировать мысль.

Если в синтаксическом синтагматическом аспекте глагол формирует пропозитивную синтагму в соответствии со своей парадигматической валентностью и в этом плане является структурирующим предложением членом, то в синтагматическом плане на семантическом уровне он является сам зависимым в реализации того или иного варианта парадигмы своего лексического значения: зависимым, при заданной валентности, от семантического содержания актантов – в первую очередь от семантики второго актанта.

Автосемантичность или синсемантичность парадигматического значения лексем также влияют на их сочетаемость в синтагме, их конструктивные возможности. В синтагматике как организованной линейной цепи элементов синтаксической конструкции невозможно хаотическое нагромождение элементов. Начиная с фонетического уровня, в каждом языке имеются свои закономерности объединения звуков, их комбинаторики [Кручинкина 1995].

В синтагматических образованиях пропозитивного уровня с разным количеством членов расположение конstituентов в синтактике отрегулировано определенными правилами относительно стержня всей структуры – глагола в роли предиката и в отношениях аналитических составляющих одной функциональной единицы – предложения. Кроме того, есть определенные правила, по которым одни члены синтагматической цепи в системе языка могут существовать относительно независимо в силу их семантической полноценности, а другие для актуализации своего значения требуют соответствующего лексико-семантического окружения, так как они в своем внутреннем значении не автономны.

И фонетическая ассимиляция, и грамматическое согласование прилагательного с существительным относятся к разноуровневым проявлениям одного и того же процесса, одной и той же закономерности. В выше приведенных примерах семантической синтагматики на лексико-семантическом уровне мы оказались свидетелями того же явления. Для этого уровня синтагматических отношений оно получило название семантического согласования [Гак 1966: 88; Гак 1998: 279–284]. Это название производно от названия грамматического варианта подчинительной связи прилагательного и существительного: прилагательное должно содержать те же грамматические признаки, что и подчиняющее его существительное, хотя формальное выражение этих признаков у них не будет одинаковым.

Производность термина *семантическое согласование* состоит в том, что при семантическом согласовании речь идет не о синтаксической форме связи, а о смысловой. И повторение в признаках (атомах смысла, семах, компонентах значения) будет не из грамматического арсенала средств, а из содержательного. И грамматическая связь согласования, и семантическая характеризуются повторением (итерацией) одного или нескольких компонентов значения (сем).
Ш. Балли рассмотрел такой процесс повторения показателей одного и того же

признака и назвал его обязательным грамматическим плеоназмом [Балли 1955: 169-172].

Дублирование признаков в разных членах синтагм, с одной стороны, является избыточным, и в разных языках наблюдается разная степень избыточности. Повторение этого качества и на лексико-семантическом уровне позволяет думать, что такая избыточность действительно является обязательной не только в грамматике. Она оказывается необходимой, чтобы общностью признака или признаков связать конструкцию как своего рода скрепом. Такой скреп В.Г. Гак мотивированно обозначил производным от термина *синтагма* термином *синтагмема* [Гак 1972: 376; Гак 1998: 281].

Изменение семантики первого актанта для антропонимичных глаголов, как можно заранее предположить, также меняет синтагматическую структуру значению глагола, так как глагол меняет свои дистрибутивные семантические условия: *Cette nouvelle jeta le trouble dans le pays. Le crime jeta l'effroi dans la ville. Sa mort jeta la famille dans le désespoir. Son attitude trahissait son impatience. Ses forces l'ont trahie. Ses pleurs l'ont trahie. Son attitude traduisait son impatience. La musique est capable de traduire certains sentiments.* Во всех выше приведенных пропозитивных синтагмах представлены антропонимичные по своему парадигматическому статусу глагольные лексемы, но здесь они оказались в дистрибуции с неодушевленными подлежащими (по синтагматической позиции – первыми актантами). В этих условиях происходит лексическое рассогласование между семантикой антропонимичности и неантропонимичности. К тому же первые актанты представлены именами действия, именами состояния, именами факта, т.е. все синтагмы имеют в роли первого актанта лексемы с конденсированным обозначением событий, а синтагмы – семантически осложненный характер. По принципу семантического согласования в глаголах при такой лексико-семантической дистрибуции с первыми актантами непредметной семантики происходит транспозиция первичных значений: появляется объединяющая глагол и первый актант компонент значения абстрактности: метафоризация их значений. На поверхностном (лексическом) уровне имеет место рассогласование, на семантическом – расширение первичного значения глаголов в результате семантической адаптации семантической структуры их значений к соответствующим событийным семам первого актанта.

Это происходит потому, что для актуализации объективного смысла глагольно-именной синтагмы и тем более развернутой пропозитивной синтагмы, необходимо соблюдать правило согласования смыслов синтаксически главного члена синтагмы и синтаксически зависимого.

К одной из характеристик семантического согласования лингвисты относят семантическую избыточность, проявляющуюся в итерации сем компонентов синтагм [Гак, 1998: 281; Апресян, 1972: 443].

Пропозитивные знаки (номинанты) именуют целостное событие реальной действительности, которое характеризуется взаимодействием субстанций, приобретающих относительно друг друга определенные роли при формировании событий. Поэтому конститuentы пропозитивных номинантов функционально, как семантически, так и синтаксически взаимно обусловлены [Brousseau, Roberge 2000: 238-246; Verspoor, Dirven & Radden 2002: 103-124]. Каждый пропозитивный номинант с парадигматическим событийным значением функционально синсемантичен по отношению к своему функциональному типовому субстрату, являясь его симметричной функциональной проекцией.

При рассмотрении вопроса о синсемантичности глагольных лексем следует особо отметить так называемые лексически фиксированные, или несвободные сочетания слов. Согласно определению В.Г. Гака, глагольное словосочетание обретает статус несвободного сочетания слов в том случае, если зависимое существительное обозначает не конкретный предмет, а «отвлеченное понятие, качество, действие, либо, обозначая конкретное понятие, используется фигурально» [Гак 1966: 238]. В этих сочетаниях слов присутствуют те же синтаксические закономерности синтаксической и синтагматической связи, что и в свободных сочетаниях слов. В них столь же ощутимо сказывается влияние на семантическую структуру лексического значения глагола семантики актантов. Однако есть и очень заметное отличие, которое ярко проявляется в том случае,

когда в роли второго актанта оказывается отглагольное существительное: *adresser la parole à quelqu'un, donner envie à quelqu'un, jeter le regard sur quelqu'un, rendre la liberté à un prisonnier, faire don à quelqu'un de quelque chose.*

Если в целом изменение лексико-семантической дистрибуции глагола модифицирует его значение, то в этих случаях имеет место не просто семантическое согласование между глаголом и вторым актантом, а категориальный плеоназм: не итерация компонентов значения членов синтагмы, а повторение категориальных сем – классов действия (процесса) в конституенте глагольного оформления и в отглагольном деривате, который генетически, изменив свое частеречное оформление, сохранил классу действия (процесса), состояния. В этом случае язык устраняет столь насыщенную, надо полагать, аномальную для языка категориальную семантическую избыточность тем, что выводит на первый план у глагола его синтаксическую, связующую роль, сохраняя его прототипическую валентность в рамках его лексемного означающего. В.Г. Гак называет этот процесс, происходящий с глаголом в таких ситуациях, десемантизацией. Мы считаем, что речь идет лишь о, в данном случае, некотором переформатировании синтаксического статуса глагола. Так, во французской лингвистике такого рода конструкции в синтаксическом означающем классифицируются как составные глагольные сказуемые, а сам глагол интерпретируется как полуслужебный, т.е. частично потерявший свою полноту [Гак 2000: 586-587].

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони, В.Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы / В.Г. Адмони // Вопросы языкознания. – 1958. – № 1. – С. 111-117.
2. Адмони, В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – Л.: Наука, 1988. – 240 с.
3. Алпатов, В.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. / В.М. Алпатов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
4. Апресян, Ю.Д. Об одном правиле сложения лексических значений / Ю.Д. Апресян // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С. 439-458.
5. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
6. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка: Пер. с фр. / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
7. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. / К. Бюлер. – М.: Прогресс, 2001. – 528 с.
8. Гак, В.Г. Беседы о французском слове. (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков) / В.Г. Гак. – М.: Междунар. отношения, 1966. – 336 с.
9. Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С. 367-395.
10. Гак, В.Г. Л. Теньер и его структурный синтаксис / В.Г. Гак // Вступ. статья к: Л. Теньер. Основы структурного синтаксиса. Пер. с франц. – М.: Прогресс, 1988. – С. 4-12.
11. Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики / В.Г. Гак // Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 272-297.
12. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2000. – 832 с.
13. Гулыга, Е.В. Автосемантия и синсемантия как признаки смысловой структуры слова / Е.В. Гулыга // Филологические науки. – 1967. – № 2. – С. 62-72.
14. Гулыга, Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке / Е.В. Гулыга. – М.: Высшая школа, 1971. – 206 с.
15. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 368 с.
16. Кручинкина, Н.Д. Согласование единиц как общезыковая закономерность / Н.Д. Кручинкина // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. В 2 т. – М., 1995. – Том 1. – С. 277-278.
17. Кручинкина, Н.Д. Синтагматика и парадигматика пропозитивного номинанта / Н.Д. Кручинкина. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1998. – 104 с.

18. Кручинкина, Н.Д. Синтаксические и семантические особенности пропозитивных синтагм / Н.Д. Кручинкина // Функционально-структурные особенности романских языков. - М.: МГОУ, 2013. - С. 58-65.
19. Кручинкина, Н.Д. Номинация событийных отношений в предложениях с несвободным сочетанием слов / Н.Д. Кручинкина // Перевод в меняющемся мире. - М.: Издат. центр «Азбуковник», 2015. - С. 428-433.
20. Кручинкина, Н.Д. Некоторые базовые принципы существования и развития языка / Н.Д. Кручинкина // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. - В двух томах. - М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016а. - Том 1. - С. 66-79.
21. Кручинкина, Н.Д. Степень проявления «глагольности» глагольным предикатом / Н.Д. Кручинкина // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты. - Вып. 10. - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016б. - С. 52-61.
22. Ломтев, Т.П. Общее и русское языкознание / Т.П. Ломтев. - М.: Наука, 1976. - 382 с.
23. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1977. - С. 7-285.
24. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с фр. / Л. Теньер. - М.: Прогресс, 1988. - 654 с.
25. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. - 2-е изд. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. - 685 с.
26. Brousseau, A.-M., Roberge, Y. Syntaxe et sémantique du français / A.-M. Brousseau, Y. Roberge. - Québec, Saint-Laurent, 2000. - 352 p.
27. Deloffre, F. La phrase française / F. Deloffre. - P.: SEDES, 1975.
28. Dictionnaire de français / Direction J. Dubois. - P.: Larousse, 1994. - 1096 p.
29. François, F. La description linguistique / F. François // Le langage. - P., 1968. - Pp. 171-282.
30. Kerbrat-Orecchioni, C. De la sémantique lexicale à la sémantique de l'énonciation / C. Kerbrat-Orecchioni. En 3 t. - Lille: Univ. de Lille III, 1979. T. 1. - 597 p.
31. Kleiber, G. Problèmes de référence: Descriptions définies et noms propres / G. Kleiber. - P.: Klincksieck, 1981. - 538 p.
32. Saussure, de. F. Cours de linguistique générale / F. de Saussure. - P.: Payot, 1995. - 523 p.
33. Tesnière, L. Eléments de syntaxe structurale / L. Tesnière. - P.: Klincksieck, 1959. - 659 p.
34. Tutescu, M. Précis de sémantique française / M. Tutescu. - Bucuresti-Paris: Klincksieck, 1975. - 258 p.
35. Verspoor, M., Dirven, R. & Radden, G. L'assemblage des concepts: la syntaxe / M. Verspoor, R. Dirven & G. Radden // Linguistique cognitive / Ed. Delbecque N. - Bruxelles, 2002. - Pp. 103-136.
36. Willems, D. Syntaxe, lexique et sémantique. Les constructions verbales / D. Willems. - Gent: Rijkuniversitet te Gent, 1981. - 276 p.

REFERENCES

1. Admoni, V.G. Zavershennost' konstrukcii kak javlenie sintaksicheskoi formy / V.G. Admoni // Voprosy jazykoznanija. - 1958. - № 1. - S. 111-117.
2. Admoni, V.G. Grammaticheskij stroj kak sistema postroenija i obshhaja teorija grammatiki / V.G. Admoni. - L.: Nauka, 1988. - 240 s.
3. Alpatov, V.M. Istorija lingvisticheskix uchenij: Ucheb. posobie. 4-e izd., ispr. i dop. / V.M. Alpatov. - M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2005. - 368 s.
4. Apresjan, Ju.D. Ob odnom pravile slozhenija leksicheskix znachenij / Ju.D. Apresjan // Problemy strukturnoj lingvistiki. - M.: Nauka, 1972. - S. 439-458.
5. Arutjunova, N.D. Jazyk i mir cheloveka / N.D. Arutjunova. - M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1999. - 896 s.
6. Balli, Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka: Per. s fr. / Sh. Balli. - M.: Izd-vo inostr. lit., 1955. - 416 s.
7. Bjuler, K. Teorija jazyka. Reprezentativnaja funkcija jazyka: Per. s nem. / K. Bjuler. - M.: Progress, 2001. - 528 s.

8. Gak, V.G. Besedy o francuzskom slove. (Iz sravnitel'noj leksikologii francuzskogo i russkogo jazykov) / V.G. Gak. – M.: Mezhdunar. otnoshenija, 1966. – 336 s.
9. Gak, V.G. K probleme semanticheskoy sintagmatiki / V.G. Gak // Problemy strukturnoj lingvistiki. – M.: Nauka, 1972. – S. 367-395.
10. Gak, V.G. L. Ten'er i ego strukturnyj sintaksis / V.G. Gak // Vstup. stat'ja k: L. Ten'er. Osnovy strukturnogo sintaksisa. Per. s franc. – M.: Progress, 1988. – S. 4-12.
11. Gak, V.G. K probleme semanticheskoy sintagmatiki / V.G. Gak // Jazykovye preobrazovanija. – M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1998. – S. 272-297.
12. Gak, V.G. Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka / V.G. Gak. – M.: Dobrosvet, 2000. – 832 s.
13. Gulyga, E.V. Avtosemantija i sinsemantija kak priznaki smyslovoj struktury slova / E.V. Gulyga // Filologicheskie nauki. – 1967. – № 2. – С. 62-72.
14. Gulyga, E.V. Teorija slozhnopodchinennogo predlozhenija v sovremennom nemeckom jazyke / E.V. Gulyga. – M.: Vysshaja shkola, 1971. – 206 s.
15. Zolotova, G. A. Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa. – M.: Nauka, 1982. – 368 s.
16. Kruchinkina, N.D. Soglasovanie edinic kak obshhejazykovaja zakonomernost' / N.D. Kruchinkina // Lingvistika na ishode HH veka: itogi i perspektivy. V 2 t. – M., 1995. – Tom 1. – S. 277-278.
17. Kruchinkina, N.D. Sintagmatika i paradigmatica propozitivnogo nominanta / N.D. Kruchinkina. – Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 1998. – 104 s.
18. Kruchinkina, N.D. Sintaksicheskie i semanticheskie osobennosti propozitivnyh sintagm / N.D. Kruchinkina // Funkcional'no-strukturnye osobennosti romanskih jazykov. – M.: MGOU, 2013. – S. 58-65.
19. Kruchinkina, N.D. Nominacija sobytijnyh otnoshenij v predlozhenijah s nesvobodnym sochetaniem slov / N.D. Kruchinkina // Perevod v menjajushhemsja mire. – M.: Izdat. centr «Azbukovnik», 2015. – S. 428-433.
20. Kruchinkina, N.D. Nekotorye bazovye principy sushhestvovaniya i razvitija jazyka / N.D. Kruchinkina // Problemy obshhej i vostokovednoj lingvistiki 2015. Jazyk. Obshhestvo. Istorija nauki. – V dvuh tomah. – M.: In-t vostokovedenija RAN, 2016a. – Tom 1. – S. 66-79.
21. Kruchinkina, N.D. Stepen' projavlenija «glagol'nosti» glagol'nym predikatom / N.D. Kruchinkina // Lingvisticheskie i jekstralingvisticheskie problemy kommunikacii: teoreticheskie i prikladnye aspekty. – Vyp. 10. – Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2016b. – S. 52-61.
22. Lomtev, T.P. Obshhee i russkoe jazykoznanie / T.P. Lomtev. – M.: Nauka, 1976. – 382 s.
23. Sossjur, F. de. Kurs obshhej lingvistiki / F. de Sossjur // Sossjur F. de. Trudy po jazykoznaniju. – M.: Progress, 1977. – S. 7-285.
24. Ten'er, L. Osnovy strukturnogo sintaksisa: Per. s fr. / L. Ten'er. – M.: Progress, 1988. – 654 s.
25. Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V.N. Jarceva. – 2-e izd. – M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. – 685 s.